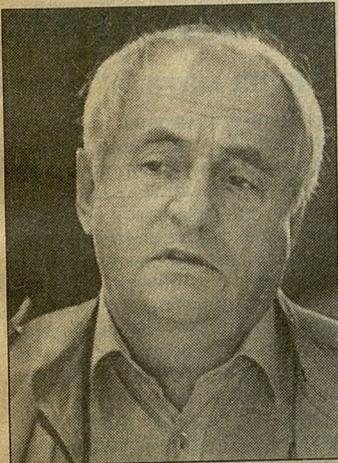

МАРК ЗАХАРОВ:

Не дураки, но люди с нарушенной ментальностью

рубрика — 10-16
с. 5

— Вы были одним из самых деятельных людей искусства, которые активно включились в перестройку. Каковы ваши сегодняшние ощущения от пройденного пути, от успехов и разочарований?

— В начале перестроечного процесса, который был таким мощным, таким красивым, таким обнадеживающим, один из очень умных людей, по-моему, это был Дмитрий Сергеевич Лихачев, сказал (где-то в 1986 году), что сейчас главное — определить всю степень нашего падения. Процесс самопознания — общественно-исторического самопознания, социального самопознания — был чрезвычайно важен, и я как-то в него втянулся. Я очень много выступал по самым разным вопросам и проблемам, связанным с нашей общественной жизнью, пребывал в различных государственных структурах... Главным образом меня, конечно же, волновала жизнь искусства и сопровождающая ее наша вечная проблема — страшный цензурный пресс во всем, партийно-цензурный аппарат, который ломал многих талантливых людей в России. Этот пресс не давал им возможности выразить то, что они могли, хотели, умели. И в этом от-

ношении то, что произошло, что начал Горбачев и потом продолжил наш Президент, вот это разрушение страшного идеологического гнета, который присутствовал во всем, но особенно был тяжел для людей моей профессии, для писателей, художников, сочинителей вообще, я считаю делом сделанным. Это было большой радостью, большим освобождением. В этом процессе есть и моя доля участия. Именно после этих событий в Ленкоме родились те спектакли, которые никогда не могли бы появиться раньше. Это и "Поминальная молитва", и "Женитьба Фигаро", и "Королевские игры", и "Варвар и Еретик"... И это освобождение затрагивает многие стороны нашей культуры, нашей культурной деятельности. Но, конечно, одно дело — некие публицистические, агитационные, идеологические акции, которые предпринимали многие, в том числе и я, а другое дело — профессиональная хозяйственная работа, экономическая работа по переходу в новую экономическую цивилизацию. И вот здесь всех нас или большинство людей (меня в том числе) ожидало большое разочарование. Оказалось, что здесь много факторов, которые нам страшно мешают. У меня даже есть своя версия на этот счет, мне иногда думается, что эта проблема существует и на уровне генетики. Меня очень задела фраза, сказанная великим Нобелем, когда он уезжал из России после долгих попыток организовать здесь свой бизнес, свою предпринимательскую деятельность, уезжал в Скандинавию. Там теперь Нобелевские премии выдаются... Так вот, на прощание он сказал, что Россия для бизнеса — страна неприспособленная. Это было до революции! Уже печально. Ну а после революции, после 17-го года произошел великий исход из России. Одних только живых эмигрантов, тех, кого не убили, не расстреляли, не потопили в крови, было три миллиона человек. Потерять

три миллиона элиты для государства, для общества — это невосполнимо. Я уже не говорю о ленинских, сталинских лагерях, о кошмарных военных событиях, которые подкосили оставшийся интеллектуальный потенциал. Я ни в коем случае не хочу сказать, что мы дураки все. Мы не дураки, но мы с нарушенной ментальностью. В нас сидят химеры и комплексы.

— Предполагали ли вы, что реформы могут иметь такие непредсказуемые результаты в жизни общества, к которым пришла наша страна сегодня.

— Если уж совсем огрубить проблему, может быть, это кого-то и обидит, но у нас в России перед нашими политиками стоит проблема "второго хода". Хороший шахматист всегда рассчитывает несколько ходов вперед, средний — 2-3 хода, а у нас политики и второй ход просчитать не могут. Они могут сделать только первый ход. Он может быть удачным, менее удачным, нерешительным, половинчатым, да каким угодно... А вот второй, что там дальше-то будет, почему-то не просчитывают. Вот это меня очень угнетает, это давит, это не дает покоя. Таковы ощущения от реформаторской деятельности... Кстати, моя статья "Зачем Москве 200 театров", за которую многие мои коллеги на меня сильно обиделись, — это как раз попытка просчитать второй ход. Как не может быть в развитии государства в столице 600, 700 или 1000 банков, должно быть чуть меньше, так, рано или поздно, когда-нибудь налогоплательщики не будут содержать такое количество театров. Хотя, если будет процветать предпринимательство и частный бизнес в России, то может существовать очень много театров... Это замечательно, хорошо, великолепно, но все равно чисто государственные, муниципальные субсидии долго продолжаться не могут. И, значит, к этому надо готовиться. И моя статья была направлена на то, что необходимо выработать

какое-то правовое поле в области организации, появления и исчезновения театров. В первую очередь это нужно для того, чтобы делать это максимально цивилизованным образом, так, как это делается в Европе, Америке и т.д. Вот эта наша неспособность, нехватка грамотных профессионалов, которые могли бы точно проанализировать ситуацию, найти в себе силы и решимость ту тревогу, которую она им внушила, довести до какой-то степени серьезного воздействия на Президента, на правительство, вот это-то страшно удручает и пугает.

— Что вам удалось реализовать, а какие проекты в театральном деле остались нерешенными?

— Я считаю, что самое главное — это уничтожение цензурно-партийного аппарата, о котором я говорил. И это процесс удавшийся. Это настоящая победа. Второе, за что я долгое время борюсь, это попытка организовать в Москве при поддержке и помощи нашего мэра две-три свободные сцены без труппы, с одной только дирекцией и техническим руководством. Чтобы те люди, которые имеют право претендовать на внимание театрального зрителя, могли бы, имели бы возможность (по льготным, символическим ценам, может быть, даже на дотации у муниципалитета, у государства) попробовать существовать со своими сценическими произведениями в такой экстремальной ситуации. Появлялся бы интересный спектакль и игрался ровно столько, сколько был бы востребован зрителями. Чтобы была закономерность некоторой пробы и сразу с понятным результатом — с успехом, средним успехом или неудачей. Вот это мне пока пробить не удалось.

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА